

Я.Г.Шемякин

Слово о Земскове

В статье дается анализ личности и творчества выдающегося отечественного ученого Валерия Борисовича Земскова, показано его значение для развития современного гуманитарного знания, в первую очередь для латиноамериканистики и сравнительных цивилизационных исследований.

Ключевых слова: культура, цивилизация, «пограничная» цивилизация, «пограничная» ситуация, цивилизационная матрица.

В начале этого года произошло событие, которое имело для нас, гуманитариев, прежде всего латиноамериканистов, особое значение. Вышли в свет две книги, в которые вошли все основные работы Валерия Борисовича Земскова (1940—2012). В первую книгу («О литературе и культуре Нового Света». М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Гнозис, 2014) включены его труды, посвященные латиноамериканской тематике; во вторую («Образ России в современном мире и другие сюжеты». М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив; Гнозис, 2015) — статьи, эссе, размышления Земскова, выходящие за пределы собственно латиноамериканистики и посвященные самым различным темам. Главной является тема особенностей российской цивилизации в сравнении с иными человеческими мирами, в первую очередь — с Латинской Америкой. Почти одновременно с упомянутыми работами появился сборник материалов по итогам последней организованной Земсковым международной научной конференции («Цивилизационно-культурное пограничье как генератор становления мировой культуры/литературы». М., ИМЛИ РАН, июнь 2012) под названием «Проблемы культурного пограничья. Памяти Валерия Борисовича Земскова (1940—2012)» (М., ИМЛИ РАН, 2014).

Думаю, что выражу общее мнение коллег, особо отметив: всем нам очень хотелось как можно скорее увидеть основные работы Земскова, собранные воедино, чтобы в рамках одного текста можно было проследить его

Яков Георгиевич Шемякин — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института Латинской Америки РАН (shemyakin3@gmail.com).

Первые страницы этого текста уже увидели свет в рецензии, опубликованной в журнале «Иностранная литература». — Я.Г.Шемякин. О творческой личности синкретического типа: Валерий Земсков. — Иностранная литература, 2015, № 8, с. 276—281.

творческую эволюцию, воспринять его наследие в комплексе. Земсков ушел от нас, и нам его очень не хватает, и не только в чисто человеческом плане: в полной мере сохраняется потребность в творческом общении с ним. Конечно, живого человека не заменишь. И, тем не менее, сказать, что Земсков продолжает жить в своих текстах, — это не банальность, а самая настоящая правда. Поэтому выход в свет упомянутых книг позволяет вывести творческий контакт с этим выдающимся человеком на новый уровень. В том, что их появление стало реальностью, — особая заслуга известного литературоведа, доктора филологических наук Татьяны Николаевны Красавченко.

Валерий Борисович Земсков

Если рассматривать творческую эволюцию Земскова, то в первую очередь необходимо сказать, что она подчиняется общей закономерности, хорошо знакомой всем тем, кто пытается всерьез изучать Латинскую Америку. Земсков, конечно, прежде всего латиноамериканист, но как настоящий исследователь он быстро пришел к выводу, что по-настоящему понять что-либо в избранном предмете, не выходя за его пределы, не рассмотрев его в сопоставлении с другими аналогичными по своему масштабу мирами-цивилизациями, невозможно. Появление рецензируемых книг — событие не только для латиноамериканистики; значение творчества Земскова выходит далеко за ее пределы. Будучи по своей основной специальности филологом-литературоведом, по мере изучения латиноамериканской литературы он (что закономерно) стал крупным культурологом, одним из немногих, кто смог перейти к решению задачи повышенного уровня сложности — к сравнительным цивилизационным исследованиям. Нельзя не сказать и о том, что значение Земскова не ограничивается рамками отечественной науки: он широко известен среди коллег за рубежом, в первую очередь, конечно, в Латинской Америке (особенно тесные связи были у него с Аргентиной), а также во Франции. Земсков является главным (с российской стороны) организатором российско-французской конференции (октябрь 1999 г., ИМЛИ РАН), по итогам которой был издан сборник («Кануны и рубежи. Типы пограничных эпох — типы пограничного сознания». Ч.1-2. М., ИМЛИ РАН, 2002). Появление этого сборника дало в то время значительный толчок как развитию цивилизационной компаративистики, так и изучению сложнейшего феномена социокультурной «пограничности».

Одно только перечисление тем работ, представленных в рецензируемых двух книгах, дает представление о масштабе творческой личности Земскова: «Габриэль Гарсиа Маркес. Главные романы»; «Колумб, открывший Другой Свет»; «О понятиях «открытие», «конкиста», судьбах американских культур и полемике о Новом Свете»; «Литература открытий и конкисты (первые испаноамериканские памятники)»; цикл персоналий — работ,

посвященных творцам испаноамериканской литературы XVI—XX вв. («Бартоломе де Лас Касас»; «Креольское барокко. Карлос де Сигуэнса-и-Гонгора»; «Хуана Инес де ла Крус»; «Доминго Фаустино Сармьенто»; «Хосе Эрнандес»; «Хосе Марти»; «Рубен Дарио»; «Хосе Энрике Родо»; «Алехо Карпентьер»; «Незрячий провидец: Хорхе Луис Борхес»); «Литературный процесс в Латинской Америке в XX веке»; серия работ, в которых рассматриваются теоретические проблемы латиноамериканистики («Латиноамериканская культура как предмет междисциплинарного изучения»; «О межцивилизационном взаимодействии»; «Категории гармонии и дисгармонии в латиноамериканском культурном процессе»; «К построению модели латиноамериканской культуры (на материале литературы)»; «О культуротворческой нормативности в Латинской Америке»; «Доминго Фаустино Сармьенто: культуротворческий ритуализм на фоне традиции»; «Праздник в устойчивой и в формирующейся цивилизациях»; «На «Карнавале» у Рене Портокарреро (вспоминая Мастера)»; цикл работ, посвященных российской цивилизации, как правило, в контексте сравнения с иными культурными мирами («Россия «на переломе»; «Теургическая константа в русской культуре»; «Концепция дионисийства и мистерии в эссеистике Вячеслава Иванова (Ницше-Вагнер-Скрябин)»; «К.Д.Бальмонт и поэзия индейцев»; «Писатели цивилизационного промежутка: Газданов, Набоков и другие»; труды, посвященные общетеоретическим проблемам культурологии и цивилизационных исследований («Дисбаланс в системе взаимодействия пластов культуры как фактор культурной динамики»; «О значении критерия различий в изучении транснациональных взаимодействий»; «Литературный пантеон: автор и произведение в межкультурной коммуникации»; «Жанр «Истории» и ловушки исторического и историко-культурного знания на рубеже тысячелетий»; «История литературы как жанр: от истоков к истокам?»; «Документ и воображение»; «Самоидентификация и культура»; «Одноглазый Янус. Пограничная эпоха — пограничное сознание»; «Проблема синтеза в пограничных цивилизациях»; «Цивилизационно-культурное пограничье — универсальная константа, энергетический источник и средство самостроения мирового историко-культурного процесса/ мировой литературы»; работы, в которых рассматриваются различные аспекты цивилизационно-культурной компаративистики («Хроники конкисты Америки и летописи взятия Сибири»; «Экспансия XVI—XVII вв. Испании и Англии в Америку, России — в Сибирь, варианты этнокультурного взаимодействия и генезис культурно-литературных моделей Нового времени»; «Экстерриториальность как фактор творческого сознания (варианты: русский, западноевропейский, восточноевропейский, американский и латиноамериканский)»; «Русская и латиноамериканская литературы: два пути в постсовременность». Особого упоминания заслуживает книга, посвященная анализу творчества Г.Гарсиа Маркеса¹. Это — уникальное исследование, не имеющее аналогов в отечественном литературоведении.

Среди многочисленных тем, затрагиваемых Валерием Борисовичем, есть одна, которая проходит красной нитью через все его творчество. И это вытекает из самой логики сравнительного цивилизационного исследования, проводимого Земсковым в рамках своего рода триптиха «Латинская Америка — Россия — Запад». Речь идет об изучении социокультурного феномена границы и, соответственно, особого рода социокультурных обра-

зований — цивилизаций «пограничного» типа. Теоретическая разработка этой проблематики в отечественной культурологии началась примерно на рубеже 90-х годов совсем недавно ставшего прошлым столетия. На протяжении его последней декады появляется целый цикл работ известных ученых и философов (Григория Померанца, Александра Ахиезера, Игоря Кондакова, Игоря Яковенко, Вадима Цымбурского, Станислава Хатунцева), так или иначе посвященных данной теме. Важнейшей составляющей этого нового направления гуманитарных исследований стали труды латиноамериканистов: В.Б.Земскова, Сергея Ивановича Семенова, Юрия Николаевича Гирина и автора этих строк². Особый интерес к проблеме социокультурного «пограничья», признание его кардинальной значимости для развития мировой культуры, осознание необходимости учитывать специфику «пограничных» цивилизационных образований и настоятельной потребности в выработке особого исследовательского инструментария, отвечающего задачам изучения «пограничной» реальности, — таковы, вкратце, те факторы, которые всех нас объединили.

Убеждение в необходимости новых методологических подходов, в свою очередь, было прямо связано с осознанием того факта, что многие из выдвинутых западными учеными и аналитиками объяснительных схем либо вообще не работают в условиях цивилизационного «пограничья», либо дают частичную и неполную трактовку изучаемой действительности. Иными словами, — с осознанием необходимости решительно преодолеть европоцентристскую «оптику» в процессе исследования. Земсков писал в этой связи: «Для европейского сознания, привыкшего мыслить в масштабе тысячелетий, существующие цивилизации даются сразу как некие «самопорождающиеся», «чистые» системы; теоретизируя, оно отвлекается от широко разработанной конкретной истории европейской цивилизации, которая есть плод взаимодействия греко-иудейско-римской цивилизаций и «варварских» культур, а те в свою очередь... Как говорил Томас Манн, история — это колодец глубины несказанной, и что такое любая культура, как не результат цепи предшествующих взаимодействий и метаморфоз? Потому-то столь важно не только культурологически интерпретировать «умопостигаемые единицы» (Тойнби) отдельных «готовых» цивилизаций, но и осваивать зоны контактов, полосы взаимодействия и динамики их расширения..., особое внимание уделяя пограничным культурам, т.е. тем, через которые цивилизации открывают свои границы и осуществляют свое расширение (скажем, для Европы — это культуры иберийские и славянские). На этих культурах выясняются коммуникативные возможности ци-

визаций ... здесь могут появляться культуры-кентавры, способные (или неспособные) стать истоком нового цивилизационно-культурного типа. Иными словами, если традиционная культурология ограничивалась изучением цивилизационной статики, «девственно» чистых, «правильных» культур, то, возможно, новое слово может быть сказано направлением, изучающим...моменты соединения, смешения культур, т.е. ставящим в центр внимания цивилизационно-культурную динамику, которая соединяет в себе историко-стадиальный и структурный подходы. В культурологической классике, наследующей от позитивизма недоверие к смешанной, «нечистой» форме, все моменты смешения рассматривались как начало гибели, деградации цивилизаций, но ведь эта фаза может быть также и фазой культуропорождающего «зачатия»³.

Поставленная Земсковым задача преодоления односторонней ориентации на изучение «чистых» форм продолжает стоять в повестке дня и сегодня. Инерция прежнего подхода по-прежнему очень сильна. Более того, «вползание» всего современного мира в целом в переходную «пограничную» ситуацию⁴ еще более увеличивает значимость приведенных оценок, которые я разделяю.

В ходе (и в результате) дискуссий были выдвинуты различные концепции «пограничности», мы много и подолгу спорили. Но это были в полном смысле слова творческие споры, в ходе них сложилось чрезвычайно богатое смыслами дискуссионное поле. Деятельность Земскова в решающей степени способствовала его возникновению. Венцом его усилий в этом плане стала уже упоминавшаяся июньская конференция 2012 г. в ИМЛИ, которая собрала ведущих ученых-историков, культурологов, литературоведов, философов, как латиноамериканистов — так и русистов, балканистов, востоковедов, африканистов, исследователей литератур США и Европы. Изданный по материалам конференции сборник в полной мере отражает современный уровень разработки проблемы «пограничности», в работах, опубликованных на его страницах, изложены все основные отечественные концепции, в которых эта проблема рассматривается.

В рамках общей проблематики цивилизационной «пограничности» выделяется одна тема, которой Земсков уделял особенно пристальное внимание. Речь идет о сравнительном изучении российских и латиноамериканских реалий. Мы с ним примерно в одно время, на рубеже 90-х годов прошлого века, пришли к выводу о чрезвычайной эвристической ценности разработки данной темы, правда, каждый из нас разрабатывал ее по-своему, наши выводы отнюдь не во всем совпадали. Но в результате между различными позициями возникало поле высокого творческого напряжения, и рождавшиеся в нем «разряды» стимулировали научную мысль.

В связи с темой «пограничности» не могу не сказать еще об одном обстоятельстве. Творческая индивидуальность Земскова не исчерпывается его научной деятельностью. Валерий Борисович был еще писателем и поэтом. Я не вправе оценивать эту сторону его личности — она мне мало известна. О ней, наверняка, гораздо лучше меня смогут рассказать другие люди, особенно близкие Валерию Борисовичу. Так, яркую характеристику этой стороны его индивидуальности дала Т.Н.Красавченко в статье, посвященной жизненному пути и творческой биографии Земскова, опубликованной во второй из рецензируемых книг (Татьяна Николаевна Красавчен-

ко. Штрихи к портрету: Валерий Борисович Земсков. — Земсков В.Б. «Образ России в современном мире и другие сюжеты», с. 317—320). И тем не менее не могу не поделиться в этой связи одной мыслью, которая невольно пришла на ум, когда я размышлял о наследии Земскова в контексте все той же проблематики «пограничности». Как было выяснено в ходе сравнительных цивилизационных исследований (богатейший материал на эту тему можно найти в пятитомнике «История литератур Латинской Америки» — самом масштабном свершении творческого коллектива авторов ИМЛИ во главе с Земсковым, в книгах и статьях его коллег Андрея Федоровича Кофмана, Юрия Николаевича Гирина и других, а также автора этих строк), проблема творчества и творческой личности в цивилизационном «пограничье» стоит совершенно по-особому. В силу того, что сама действительность «пограничных» цивилизаций представляет собой сверхсложный узел взаимопереплетения различных типов контакта разнородных культурных традиций и разделенных герменевтическими барьерами разнотадимальных пластов исторического бытия народа, здесь сложился особый, «синкретический» тип творческой личности, способной решать задачу повышенного уровня сложности, — формирования духовных основ целостности социокультурной общности в условиях доминанты принципа многообразия, довлеющего в «пограничной» реальности над принципом единства. Этот тип личности совмещает в одном лице ученого, художника (в широком смысле, чаще всего писателя и/или поэта), довольно часто (особенно в Латинской Америке) — политического деятеля и идеолога. Я пришел к выводу, что Валерий Земсков являет собой одну из разновидностей синкретического типа творческой личности, совмещающей ипостаси ученого и художника (в указанном смысле) в условиях «пограничной» цивилизации планетарного масштаба — России — Евразии. И в данном контексте его имя может быть поставлено в один ряд с именами многих выдающихся людей как России, так и Латинской Америки. Простое перечисление их имен могло бы занять не одну страницу. Приведу в этой связи суждение Игоря Вадимовича Кондакова из его «Вступительного слова» к книге Земскова: «...Валерий Земсков шел путем таких знаменитых ученых-гуманитариев, стремившихся к универсальности, как М.М.Бахтин и А.Ф.Лосев, Н.И.Конрад и В.М.Жирмунский, Д.С.Лихачев и А.М.Панченко, С.С.Аверинцев и А.В.Михайлов, Ю.М.Лотман и В.Н.Топоров, М.Л.Гаспаров и Н.И.Толстой, Б.Л.Рифтин и П.А.Гринцер, Вяч. Вс.Иванов и Б.А.Успенский (список можно продолжить)... Эти ученые, часто независимо друг от друга, смело пересекали границы смысловых областей и отдельных наук, различных видов искусства и типов культур, прослеживали глубинные связи между отдаленнейшими явлениями, соединяя, казалось бы, несоединимое»⁵.

И, наконец, последнее. Не могу не упомянуть о том, что по целому ряду вопросов моя позиция и позиция Земскова существенно различались. В этой связи хотелось бы обратить внимание вот на что. Сергей Сергеевич Аверинцев, предвзяв свою полемику с Михаилом Михайловичем Бахтиным по поводу феномена смеха, сказал: «Выходя из согласия с Бахтиным, его не потеряешь; выходя из диалогической ситуации — потеряешь»⁶. То же самое можно сказать и о Земскове. Для меня лучший способ почтить его память — продолжить наш творческий диалог-спор.

Можно много говорить о достоинствах Земскова как крупного ученого, но есть одно, которое, по моему мнению, важнее всех остальных. В своих трудах он (как, впрочем, и наиболее выдающиеся из его коллег) неизменно подводит нас к достигнутым на данный момент пределам гуманитарного знания, что позволяет ясно сформулировать и поставить вопросы, от решения которых наука на современном этапе еще весьма далека, но которые позволяют определять перспективу и направление поисков. Именно когда мы приближаемся к этим пределам, возникают наиболее острые споры и разногласия по существу рассматриваемых проблем. Будучи ограничен рамками небольшой статьи, приведу лишь два примера ключевых проблем, по которым наши позиции существенно различаются. В первом случае речь

пойдет о достигнутом на сегодняшний день пределе знания о роли и месте архаики в цивилизационном процессе вообще и в цивилизациях «пограничного» типа в особенности.

Следует сразу же подчеркнуть: Земсков прекрасно осознавал значимость архаического субстрата и его роль в межкультурном взаимодействии в Латинской Америке. И здесь наши позиции полностью совпадают. Но в отношении России вопрос ставится по-другому. Рассматривая проблему цивилизационного самоопределения России и связанные с этим споры представителей различных направлений отечественной мысли, в одной из своих работ Земсков выдвинул тезис о том, что «русская культура зарождалась как восточноевропейская, византийско-христианская ветвь европейской цивилизации»...⁷. В другой работе он подтверждает эту мысль, отмечая, что «восточнославянские культуры сохраняют свой язык, но развиваются на основе матриц греко-византийской культуры»⁸. Правда, через несколько строк утверждается, что и славянские матрицы входят в состав основы сербской и болгарской культур⁹, но в отношении русской подобной оговорки не сделано. Складывается впечатление, что в основе русской культуры, согласно Земскову, была положена одна византийско-православная культурная матрица. В процессе творческого поиска Земсков выдвинул тезис о «многополярной русской сущности»¹⁰, с которым я совершенно согласен и который по своей сути прямо противоречит тенденции к ограничению цивилизационной основы России византийской матрицей. Однако данный тезис не получил у Валерия Борисовича дальнейшего развития, он существует в духовном пространстве Земскова наряду с преобладающей «византиноцентристской» позицией.

Я с такой позицией категорически не согласен. Многие годы изучения этого вопроса, сопоставление и анализ различных точек зрения привели меня к твердому убеждению, что русская культура с самого своего зарождения явилась продуктом и результатом сложнейшего взаимодействия множества качественно разнородных составляющих^{11*}. Но среди этого множества выделяются два основных участника, многосторонние контакты которых и определили первичные основополагающие черты древнерусской культуры: восточное христианство и древнеславянское языческо-мифологическое наследие. Бесспорно, восприятие культурных форм византийского происхождения играло огромную роль, но нельзя не учитывать, что они были творчески переосмыслены, а это означало появление чего-то качественно нового по сравнению с исходными византийскими образцами. Приведу в связи с этим суждения ряда видных ученых. Так, Борис Александрович Успенский, подчеркивая наличие у интеллектуальной и политической элиты России сознательной установки на «усвоение чужих культурных моделей и концептуальных схем», в то же время подчеркивал, что, «попадая на русскую почву, эти модели обычно получают совсем другое наполнение, и в результате образуется нечто существенно новое, — непохожее ни на заимствуемую культуру... ни на культуру реципиента»¹². Такая трансформация исходных форм на русской почве^{13**} неизбежно побуждает к выводу о том, что «почва» эта играла отнюдь не пассивную роль, а, напротив, была активным участником взаимодействия. Соответственно, закономерно поставить вопрос о «составе» этой почвы. И ответ на этот вопрос, по моему (и не только моему) убеждению, может быть только один: определяющий элемент русской почвы — это восточнославянская языческо-мифологическая традиция, роль которой отнюдь не сводилась к роли «воспринимающего инерционного субстрата», который якобы был исключительно объектом воздействия «инициативного суперстрата» — восточного христианства¹⁴. В подтверждение этого вывода приведу еще несколько свидетельств ученых — крупнейших авторитетов в области изучения и осмысления отечественной истории и культуры.

Александр Михайлович Панченко, анализируя памятники древнерусской словесности (прежде всего «Повесть временных лет» и «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона), приходит к выводу, что «христианизация Руси не осознавалась как перерыв традиции. Хотя первые русские писатели охотно пользовались расхожими этикетными оппозициями «тьма-свет», «мрак-заря» и т.п., но состояние язычества в их представлении все же не было состоянием варварства. Именно поэтому у Илариона в культурной памяти нации равноправны и «просветитель» Руси Владимир, и его предки-язычники «старый Игорь» и «славный Святослав»...»¹⁵. Панченко пришел к убеждению, что «культура Руси и после христианизации не пребывала под византийской пятой и сохраняла качество суверенности...крещение не было отречением. Русь создала свой вариант Православия, терпимый и открытый, создала сложную и «равновесную»

* В подтверждение этого тезиса можно было привести множество примеров. Отмечу лишь некоторые, наиболее яркие, на мой взгляд, работы.

** Причем, по мнению Б.А.Успенского, это касается не только византийских (предмета его непосредственного изучения), но и западных форм.

культуру»¹⁶. Олег Николаевич Трубачев, крупнейший авторитет в мировой славистике и индоевропеистике, в свою очередь, подчеркивал: «Историю русской культуры нельзя начинать с крещения Руси, как и выводить ее из Византии. Это можно делать, лишь не видя (или не желая видеть?) ее собственных корней. Отводя сразу упрек в голословности и одновременно выражаясь по необходимости кратко, я скажу о том, что понимаю под собственными корнями русской культуры: выработанную всем предшествующим языковым и общекультурным развитием систему достаточно высоких религиозных и этических понятий, выраженную в соответствующей исконной терминологии»¹⁷. Вячеслав Всеволодович Иванов, рассматривая проблему «выбора веры» в конце X в.н.э., приходит к аналогичным по сути выводам: «К тому времени, когда обитавшие в Восточной Европе древнерусские племена, консолидировавшиеся вокруг Киевской Руси, встали перед вопросом о принятии новой веры, они прошли длительный и сложный путь развития ... Принятие населением Древней Руси христианства оказалось возможным благодаря достигнутому еще до этого высокому уровню культуры, в особенности уровню религиозного сознания, которому соответствовал и характер языка, прежде всего словаря с развитой терминологией. Именно изучение языка, а в первую очередь религиозных терминов, которые до того, как были использованы в качестве христианских, долго существовали как языческие, позволяет сделать вывод о развитости многих понятий у носителей ранних славянских диалектов, в том числе и восточнославянских говоров... Какую бы семиотическую систему восточнославянской культуры — мифологию, обряды, изобразительное искусство, язык — мы ни рассматривали, в каждой из них обнаруживается использование более древних элементов, переосмысленных после упрочения христианства. Особенно ясно это видно в языке, где некоторые очень древние индоевропейские ритуальные термины, сохранившиеся в качестве языческих славянских, позднее используются для передачи соответствующих греческих византийских слов в текстах христианского содержания...»¹⁸. В.В.Иванов убедительно иллюстрирует свои выводы рядом ярких примеров¹⁹, подчеркивает «удивительную живучесть некоторых древневосточнославянских языческих обрядов», включенных в новую религиозную систему, сохранение языческой символики «(в той мере, в какой она оказывалась совместимой с христианской)»²⁰ в народных синкретических представлениях. К аналогичным по сути выводам пришел в своем фундаментальном исследовании Владимир Николаевич Топоров, реконструировавший целый «свят-словарь», (в основе которого — праславянский, восходящий к древнейшему общеиндоевропейскому аналогу семантический элемент «свят»), включавший многочисленные термины, служившие для характеристики и обозначения сакрального измерения жизни еще в языческую эпоху истории восточного славянства. Топоров подробно проанализировал особенности понимания святости носителями «архаичной русской традиции, в которой мифопоэтическое наследие языческой эпохи встретилось с кругом идей и образов христианства»²¹.

Одним из главных результатов этой встречи стало формирование концепта «земля», которому был придан высший сакральный статус и который приобрел ключевое значение для цивилизационного сознания русских. Имея мощные архаические корни, этот концепт стал одной из главных

форм, в рамках которой происходило активное и продуктивное — вплоть до стадии творческого синтеза — взаимодействие древней славянской языческо-мифологической традиции и христианства (слияние в народном сознании образов Матери—Земли и Богородицы). При этом первая отнюдь не была «пассивным субстратом», напротив, мощные архаические корни очевидным образом прорастают здесь сквозь христианскую знаково-символическую и терминологическую оболочку²².

Приведу еще одно свидетельство, тем более, что оно принадлежит не только крупному ученому-востоковеду, но и видному современному православному мыслителю Андрею Борисовичу Зубову: «Лишь догадки можно строить о том, почему именно такими стали русские храмы, русские книги, фрески, иконы, предметы прикладного искусства, но важно то, что они ни с чем не подобны. То там, то тут несложно найти черты сходства или с византийской традицией эпохи Македонской династии, или с романским искусством, или мотивы, идущие с Востока. Но основа всей материальной культуры, тем более искусства Древней Руси, — это раскрытие потенций, сложившихся в историческом общественном бытии в предшествующие христианизации века. Не постепенное обучение ученика у учителя видим мы на примере Руси XI—XII вв., но огонь, запыхавший от огня»²³.

Подводя итог этому циклу высказываний, приведу выводы, к которым пришла видный российский лингвист Светлана Михайловна Толстая: «В целом устная народная традиция в ее взаимоотношении с более «сильной» христианской культурой проявила себя как открытая, гибкая, но не менее сильная культурная система, способная усвоить и переработать, перевести на свой язык и наполнить своим содержанием значительный корпус «чужих» элементов и текстов, включить их в свой дискурс и на протяжении тысячелетия обращаться с ними как с собственными культурными ресурсами. При этом в отношении некоторых кардинальных категорий язычества народная традиция оказалась чрезвычайно устойчивой и «закрытой» для внешнего воздействия — к таковым прежде всего могут быть отнесены культ мертвых и низшая мифология, составляющие идеологическую основу мифологической (мифопоэтической) культурной парадигмы и остававшиеся практически не затронутыми христианским влиянием»²⁴. Следует, наверное, подчеркнуть, что эти выводы С.М.Толстой опираются на огромный по объему фактический материал, представленный в пяти томах этнолингвистического словаря «Славянские древности» (1995—2012 гг.), ответственным редактором которой она являлась. Точно также приведенные выше суждения автори-

ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРНОГО ПОГРАНИЧЬЯ

тетнейших ученых является результатом осмысления колоссального количества фактов, многие из которых приводятся ими в качестве иллюстрации своих выводов.

Итак, в основе цивилизационного строя российского «мира миров» (М.Гефтер) — не одна матрица, а сложнейшее взаимодействие качественно различных матриц, в первую очередь византийского христианства и древнеславянской языческой мифологической традиции, к которым впоследствии добавились и иные участники контакта — татаро-монгольское наследие и западные новации²⁵.

Нельзя не сказать еще об одном пределе гуманитарного знания, к которому нас подводят труды Земскова, особенно работы последних лет его жизни. И в этом случае речь пойдет о пределе наших знаний о феномене социокультурной «пограничности»^{26*}. Данная проблематика приобрела особую актуальность на рубеже II и III тысячелетий, когда общая ситуация в мире может быть охарактеризована как нарушение целостности духовных оснований всех без исключения цивилизаций, включая великие цивилизации Востока и Запада (субэкумены). По сути дела в определенном смысле имеет место «глобализация пограничности»²⁷. Разумеется, подобная ситуация потребовала заново переосмыслить основания той классификации цивилизаций, на базе которой и был выделен «пограничный» цивилизационный тип. Мы с Земсковым практически одновременно констатировали «вползание» мира в «пограничное» состояние, но сделали из этого разные выводы.

По моему мнению, ко всем наличествующим в настоящее время цивилизациям, в том числе восточным и западной «субэкуменам» (Григорий Соломонович Померанц), более всего подходит формула, посредством которой крупнейший современный писатель и мыслитель, лауреат Нобелевской премии, уроженец Тринидада индийского происхождения Видьядхар Сурайпраasad Найпол охарактеризовал состояние Индии во второй половине XX в. — «раненая цивилизация»²⁸. «Раненая», но не «умирающая»! На мой взгляд, пока нет никаких признаков изменения самого типа цивилизации ни на Западе, ни в великих цивилизациях Востока. Несмотря на серьезные кризисные явления, они пока в значительной мере сохраняют ядро собственной идентичности, хотя и перешли в неустойчивое состояние, которое может быть охарактеризовано как «пограничная ситуация».

Автор этих строк предложил четко различать понятия «пограничная ситуация» и «пограничная цивилизация» по критерию исторической устойчивости «пограничного» состояния. Когда мы говорим о цивилизациях «пограничного» типа, речь идет отнюдь не о всякой границе; имеется в виду особая ее разновидность. В данном случае граница, не переставая играть роль перехода от одного типа (стадии, полюса) бытия к другому, получает новый модус существования, который приобретает определяющее значение: она сама становится *бытием особого рода*, воплощенным в специфической разновидности социокультурной системности. Можно выделить и проанали-

* Достигнутый на сегодняшний день уровень разработки этой проблематики отражен в сборнике материалов последней организованной Земсковым конференции.

зировать историческую динамику развертывания различных типов «границы-бытия», что и было сделано в одной из работ последних лет^{29*}.

Земсков пошел другим путем. Отталкиваясь от мысли М.М.Бахтина, согласно которой вся культура «расположена на границах, границы проходят повсюду, через каждый момент ее» [Бахтин 1974, с.265], и, пытаясь концептуализировать современное состояние мира, Земсков выдвинул свою теорию глобального всеобщего «пограничья». Согласно Земскову, «вся история культуры и вся история есть всемирное *пограничье*...»³⁰. Земсков подробно изложил свою позицию в работе, название которой говорит само за себя: «Цивилизационно-культурное пограничье — универсальная константа, энергетический источник и средство самостроения мирового историко-культурного процесса/мировой литературы»³¹. Земсков предлагает «взглянуть на самостроение мирового историко-культурного процесса как на постоянное изменение, пересечение, перекрещивание контекстов, их взаимодействие», и тогда «мы увидим этот процесс как сплошную сеть погранично-трансграничных (в Большом времени) взаимодействий и трансформаций». И далее: «Устойчивые (целостные) цивилизационно-культурные образования — временное состояние. Если не признать этого, то за пределами нашего зрения остается их пограничное состояние не только в генезисе и на этапах формирования, но и в более поздние периоды, на этапах зрелости, чреватых опограничиванием, кризисами, распадами; устойчивые образования становятся гетерогенными, «пограничными...». «Гомогенность — *временное* состояние, а изменение, гетерогенность — это состояние *постоянное* (напомним, в Большом Времени культуры)»³². Последняя оговорка не меняет сути дела. Получается, что все без исключения цивилизации основную часть времени своего существования «пограничны», и только на какую-то часть времени (У Земскова выходит, что совсем незначительную) они целостны, а «пограничность» — постоянное состояние всего пространства культуры. По моему убеждению, налицо абсолютизация роли пограничности, основанная, в свою очередь, на абсолютизации одной из реальных характеристик мирового процесса — изменчивости. Но ведь у этого процесса есть и другая сторона — устойчивость. И диалектика соотношения начал устойчивости и изменчивости, по-моему, совершенно иная по сравнению с той картиной, которую нарисовал Земсков.

Да, изменения происходят повсюду и постоянно, но они могут быть совершенно разного типа, в конечном счете тяготея к двум полюсам: на одном — изменения, которые не меняют основные характеристики системы (в гегелевско-марксистской традиции это «количественные» изменения, не меняющие качественную определенность объекта); на другом — изменения, которые коренным образом меняют основные параметры функционирования системы (качественные изменения). Это — во-первых. Во-вторых, — и качественные изменения могут быть различного характера: либо речь идет о такой перестройке, в результате которой система выходит на какой-то принципиально новый уровень, в то же время оставаясь собой, сохраняя основное ядро своей «особости» («идентичности»), либо это ядро размыва-

* Развернутое обоснование данной концепции «пограничности» см. в работах последних лет.

ется (распадается и т.п.), и тогда прежняя система перестает существовать, либо (здесь снова бифуркация) трансформируясь во что-то принципиально новое, либо разваливаясь окончательно. Целостность — «временное состояние» только в одном смысле: ни одна система не вечна. Но пока она существует как система, она сохраняет целостность (в той или иной степени). Если нет целостности, нет и системы. Если же целостность нарушена, но еще не разрушена полностью, налицо системный кризис, из которого может быть множество вариантов выхода, но все они в конечном счете тяготеют к тем двум полюсам, которые были только что охарактеризованы.

От того, что в истории Запада было столь много «перерывов постепенности» (реформация и контрреформация, религиозные войны, революции, мировые войны) он не перестал быть Западом, не изменил свое цивилизационное качество. От того, что в древнем и средневековом Китае регулярно происходили грандиозные социальные катастрофы, приводившие к временному крушению государства³³, Китай не перестал быть Китаем — базовые характеристики китайской субэкумены неизменно воспроизводились, несмотря на все разрушения и коллизии реальной истории. То же самое можно сказать и о любой другой цивилизации. Цивилизации выживают и воспроизводят себя вопреки всем революциям, обрывам преемственности и катастрофам. Именно на это настоятельно и неоднократно указывал всемирно известный французский историк Фернан Бродель, характеризуя цивилизации как исторические феномены «большой длительности» или «длительной временной протяженности» (*la longue durée*)³⁴. «Будучи реалиями неисчислимо большой длительности, цивилизации бесконечно адаптируются ... и своим долгожительством превосходят все другие коллективные реалии, переживают их... Иначе говоря, цивилизации выживают в контексте политических, социальных, экономических, а также идеологических волнений...»³⁵. «Большая длительность» — это длительный исторический период, в течение которого базовые характеристики цивилизации остаются неизменными, несмотря на все изменения. И специфика цивилизационного подхода как особого научного направления — в выявлении и изучении именно этого неизменного (разумеется, в «Большом Времени» мировой культуры *относительно* неизменного) в истории. Главная задача цивилизационных исследований — выявление закона (или законов) целостности той или иной социокультурной макрообщности. Если цивилизация существует, значит она сохраняет целостность.

Абсолютное, метафизическое противопоставление целостности и изменения³⁶ совершенно неправомерно. То, что целостность сложилась и существует, совершенно не означает, что она остается неизменной. Но, повторюсь, изменения могут быть самого различного характера.

Казалось бы, утверждая кардинальную онтологическую значимость феномена границы, Земсков на деле стирает качественную определенность этого феномена, у него получается «пограничность без границ». Соответственно, не учитываются и существенные различия разных типов границы, совершенно стирается грань между «пограничными ситуациями» и «пограничными цивилизациями», попытки определить системные характеристики последних становятся вообще невозможны.

В связи со всей этой весьма жесткой полемикой, хотелось бы подчеркнуть одно обстоятельство. Начиная полемизировать с Земсковым, продуд-

мывая систему аргументации, временами обнаруживаешь (даже в том случае, если в главном остаешься при своем мнении) недостатки, недоработки собственной концепции. Так, обозначенная мною в тексте о феномене границы³⁷ альтернатива в точке бифуркации эволюции цивилизации (распад или обретение нового целостного основания на качественно новом уровне) находится в определенном противоречии с тезисом о том, что в «пограничных» цивилизациях целостность реальна, несмотря на доминанту многообразия. Очевидно, что в случае возникновения «пограничной» цивилизации имеет место не «застывание» некоей социокультурной общности в «пограничной ситуации» в результате взаимной нейтрализации полярных альтернатив^{38*}, а трансформация «пограничной ситуации» в качественно новое состояние. Иными словами, «пограничная цивилизация» — это не «застывшая» «пограничная ситуация», а нечто принципиально новое. И это новое качество определяется тем, что начало целостности здесь выражено с силой, достаточной для формирования особого типа «пограничной» системности. Иными словами, социокультурная общность как раз выходит из «переходного, пограничного состояния» и обретает новый модус существования, в котором решающее значение приобретают уже не внешние черты переходности, не положение «между»³⁹, а то, что отделяет новую системность от полюсов, между которыми возникло «пограничье». «Пограничная ситуация» — это именно ситуация взаимной нейтрализации, неустойчивого равновесия полярных альтернатив. Трансформация «пограничной ситуации» в «пограничную цивилизацию» — это реализация альтернативы перехода на качественно иной уровень.

Я неслучайно избрал в качестве примеров нашей полемики те коллизии, которые возникли, когда мы подошли к обозначенным выше двум пределам научного гуманитарного знания. По-моему, при всем моем несогласии с некоторыми выводами Валерия Борисовича, эти примеры позволяют особенно ярко проиллюстрировать масштаб творческой личности Земскова и универсальный размах его исследовательской мысли. Кроме того, на конкретных примерах мне хотелось показать, что обычная в таких случаях, стереотипная ритуальная фраза о том, что труды Земскова стимулируют творческую мысль, — это не просто дань памяти крупного ученого: она в полной мере отражает реальность.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

¹ Габриэль Гарсия Маркес: Очерк творчества. М. 1986. В нем. переводе: Zemskow, Waleri. Gabriel Garcia Marquez. Berlin: Volk und Wissen. Verlag GmbH. [Gabrijel Garsiya Marques: Oчерk tvorchestva. V nem. perevode: Zemskow, Waleri. Gabriel Garcia Marquez]. [Essay of the Creative Work]. Moscow, 1986 [Translation into German: Zemskow, Waleri. Gabriel Garcia Marquez]. Berlin: Volk und Wissen. Verlag GmbH, 1990.

² Я.Г.Ш е м я к и н. Цивилизации «пограничного» типа: формирование концепции. — Социокультурное пограничье как феномен мировых и российских трансформаций: Междисциплинарное исследование. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2008, с. 100—148. [Ya.G.Shemyakin. Civilizacii «pogranichnogo» tipa: formirovanie koncepcii. — Sociokul'turnoe pogranich'e kak fenomen mirovyh i rossijskih transformacij: Mezhdisciplinarnoe issledovanie].

* «Социокультурная общность так и не выходит из переходного пограничного состояния на протяжении длительного исторического срока».

[Civilizations of “Borderline” Type: the Formation of the Concept. — Socio-cultural Borderlands as a Phenomenon of Russian and World transformation]. Moscow, Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2008, p. 100—148.

³ В.Б.Земсков. О литературе и культуре Нового Света... с.504—505. [V.B.Zemskov. O literature i kul'ture Novogo Sveta... [About the Literature and Culture of the New World], p. 504—505.

⁴ Я.Г.Шемякин. Op. cit., p. 140—141.

⁵ И.В.Кондаков. Вступительное слово [I.V. Kondakov. Vstupitel'noe slovo]. [Opening Address]. — В.Б.Земсков. Образ России в современном мире и иные сюжеты, с. 5—6. [V.B. Zemskov Obraz Rossii v sovremennom mire i inye szuzhety]. [The Image of Russia in the Modern World and Other Subjects], p. 5—6.

⁶ С.С.Аверинцев. Бахтин, смех, христианская культура. [S.S. Averincev. Bahtin, smeh, hristianskaja kul'tura]. [Bachtin, Laughter and Christian Culture]. — С.С.Аверинцев. Собрание сочинений. Связь времен. К.: ДУХ І ЛІТЕРА, 2005, с. 342 [S.S. Averincev Sobranie sochinenij. Svjaz' vremen.]. [Collected Works. Connection of Times]. K.: DUK I LITERA, 2005, p. 342.

⁷ В.Б.Земсков. Образ России в современном мире..., p. 37.

⁸ В.Б.Земсков. О литературе и культуре Нового Света, p.506.

⁹ Ibidem.

¹⁰ В.Б.Земсков. Образ России..., p. 37.

¹¹ Древняя Русь: пересечение традиций: НИЦ «Скрипторий», 1997 [Drevnyaya Rus': peresechenie tradicii]. [Old Rus: Crossing of Traditions]. NIC «Skriptoriy», 1997; М.Н.Громов, В.В.Мильков. Идеиные течения древнерусской мысли. СПб.: Изд-во РХГИ, 2001 [M.N.Gromov, V.V. Mil'kov. Idejnye techenija drevnerusskoj mysli]. [Ideological Currents of the Old Russian Thought]. SPb.: Izd-vo RHGI, 2001; В.Н.Топоров. Святость и святые в русской духовной культуре. Т.1-2. М., 1995, 1998 [V.N.Toporov. Svjatost' i svjatye v russkoj duhovnoj kul'ture. T.1-2]. [Sanctity and Saints in the Russian Spiritual Culture. V.1-2], Moscow, 1995, 1998; С.М.Толстая. Язычество. — Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т.5. М.: Международные отношения, С. 616—619 [S.M.Tolstaja. Jazychestvo. — Slavjanskije drevnosti. Etnolingvisticheskij slovar'. T.5]. [Paganism. — Slavic Antiquities. Ethnolinguistic Dictionary]. Moscow, 2012, Mezhdunarodnye otnoshenija, p. 616—619.

¹² Б.А.Успенский. Царь и патриарх: харизма власти в России (византийская модель и ее русское переосмысление. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998, с. 5. [B.A.Uspenskij. Car' i patriarh: harizma vlasti v Rossii (vizantijskaja model' i ee russkoe pereosmyslenie]. [Tzar and Patriarch: the Charisma of Power in Russia (the Byzantine Model and Its Russian Reinterpretation)]. Moscow, Shkola «Jazyki russkoj kul'tury», 1998, p. 5.

¹³ Ibidem.

¹⁴ В.Б.Земсков. О литературе и культуре..., p. 506.

¹⁵ А.М.Панченко. Парадоксы русской истории. СПб.: Союз писателей Санкт-Петербурга, ООО «Журнал Звезда», 2012. с. 15. [A.M. Panchenko. Paradoksy russkoj istorii]. [Paradoxes of Russian History]. Saint-Peterburg, Sojuz pisateley Sankt-Peterburga, ООО «Zhurnal Zvezda», 2012, p. 15.

¹⁶ Ibid., p. 19—20.

¹⁷ О.Н.Трубачев. К истокам Руси. Народ и язык. М.: Алгоритм, 2013, с. 157. [O.N.Trubachev. K istokam Rusi. Narod i jazyk]. [To the Origins of Russia. The People and the Language]. Moscow, Algoritm, 2013, p. 157.

¹⁸ Вяч.Вс. Иванов. О выборе веры в Восточной Европе. — Избранные труды по семиотике и истории культуры, т. 5: Мифология и фольклор. М.: Знак; 2009, с. 287—289. [Vjach.Vs. Ivanov. O vybore very v Vostochnoj Evrope — Izbrannye trudy po semiotike i istorii kul'tury. T.5: Mifologija i fol'klor]. [On the Choice of Faith in the Eastern Europe. — Selected Works on Semiotics and History of Culture. Vol.5. Mythology and Folklore]. Moscow, Znak, 2009, p. 287—289.

¹⁹ Ibid., p. 287—298.

²⁰ Ibid., p. 289.

²¹ В.Н.Топоров. Святость и святые в русской духовной культуре. Т.1. Первый век христианства на Руси. М.: «Гнозис» — Школа «Языки русской культуры», 1995, с. 477, 479—489. [V.N.Toporov. Svjatost' i svjatye v russkoj duhovnoj kul'ture. T.1. Pervyj vek hristianstva na Rusi]. [Sanctity and Saints in the Russian Spiritual Culture. Vol. 1 The First Century of the Christianity in the Rus]. Moscow, «Gnozis» - Shkola «Jazyki russkoj kul'tury», 1995, p.477, 479—489.

²² В.В.Мильков. Исследование концепта «Земля» в русском самосознании. — Россия в архитектуре глобального мира: Цивилизационное измерение. М.: Языки славянской культуры, 2015, с. 40—66. [V.V.Milkov. Issledovanie koncepta «Zemlja» v russkom samosoznanii — Rossiya v arhitekture global'nogo mira: Civilizacionnoe izmerenie]. [A Study of the Concept of “Land” in the Russian Consciousness — Russia in the Architecture of Global World: a Civilizational Dimension]. Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2015, p. 40—66.

²³ А.Б.Зубов. Парламентская демократия и политическая традиция Востока. М.: Наука, ГРВЛ, 1990. С.147. [A.B. Zubov. Parlamentskaja demokratija i politicheskaja tradicija Vostoka]. [Parliamentary Democracy and the Political Tradition of the East]. Moscow, Nauka, GRVL, 1990, p.147.

²⁴ С.М.Толстая. Язычество. — Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 5, с. 619. [S.M. Tolstaja. Jazychestvo. — Slavjanskije drevnosti. Etnolingvisticheskij slovar'. T.5]. [Paganism. — Slavic Antiquities. Ethnolinguistic Dictionary. Vol.5]. Moscow. Mezhdunarodnye otnoshenija. 2012, p. 619.

²⁵ Я.Г.Шемякин. Европа и Латинская Америка: Взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории. М.: Наука, 2001, с. 315—319 [Ya.G. Shemyakin. Evropa i Latinskaja Amerika: Vzaimodejstvie civilizacij v kontekste vseмирной istorii]. [Europe and Latin America: The Interaction of Civilizations in the Context of World History]. Moscow, Nauka, 2001, p. 315—319; е г о ж е. Феномен «пограничности»: социокультурное содержание и исторические типы. — Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 42. М.: ИВИ РАН, 2013, с. 34—36. [Idem, Fenomen «pogranichnosti»: sociokul'turnoe sodержanie i istoricheskie tipy — Dialog so vremenem. Al'manah intellektual'noj istorii. 42]. [Idem, The Phenomenon of “Frontierity”: the Socio-Cultural Content and Historical Types]. Moscow, IVI RAN, 2013, p. 34—36.

²⁶ Проблемы культурного пограничья, М., ИМЛИ РАН, 2014. [Problemy kul'turnogo pogranich'ja]. [Problems of Cultural Borderland]. Moscow, IMLI RAN, 2014.

²⁷ Я.Г.Шемякин. Цивилизации «пограничного» типа... С.138-141 [Ya.G. Shemyakin. Civilizacii «pogranichnogo» tipa... p. 138—141]. [Civilizations of “borderline” type...], p. 138—141; И.В.Следзевский. «Пограничье без границ». Глобальная неопределенность мира и ее отражение в знании и культуре. — Социокультурное пограничье как феномен мировых и российских трансформаций. Междисциплинарное исследование. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2008, с. 11—99. [I.V.Sledzevskij. «Pogranich'e bez granic». Global'naja neopredelennost' mira i ee otrazhenie v znanii i kul'ture — Sociokul'turnoe pogranich'e kak fenomen mirovyh i rossijskih transformacij. Mezhdisciplinarnoe issledovanie. [The Borderland Without Borders. The Global Uncertainty of the World and Its Reflection in the Knowledge and Culture — Socio-Cultural Borderland as Phenomenon of the World and Russian Transformations. Interdisciplinary Study]. Moscow, Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2008, p. 11—99.

²⁸ V.S. Nair. India: a Wounded Civilization. New York: Knopf, 1977.

²⁹ Я.Г.Шемякин. Граница: процесс перехода и тип системности. — Общественные науки и современность, 2009, № 5, с. 111—124 [Ya.G. Shemyakin. Granica: process perehoda i tip sistemnosti. — Obshhestvennye nauki i sovremennost']. [The Borderland: Process of the Passage and a Type of the Systemity], Moscow, 2009. № 5, p. 111—124; е г о ж е. Феномен «пограничности»... — Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 42. М.: ИВИ РАН, 2013, с. 23—45 [Idem, Fenomen «pogranichnosti»...//Dialog so vremenem. Al'manah intellektual'noj istorii. 42]. [The Phenomenon of the Frontierity]. Moscow, IVI RAN, 2013, p. 23—45; е г о ж е. О характере соотношения Языка, Текста и Шрифта в цивилизациях «пограничного» типа. — Вестник Томского Государственного Университета. История. 2013, № 1, с. 15—25 [Idem. O haraktere sootnoshenija Jazyka, Teksta i Shrifta v civilizacijah «pogranichnogo» tipa]. [On the Nature of the Relation of Language, Text and Type in the Civilizations of the “Borderline” Type]. Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Istorija. 2013, № 1, p. 15—25; е г о ж е. Субэкумены и «пограничные» цивилизации в сравнительно-исторической перспективе. О характере соотношения Языка, Текста и Шрифта. — Общественные науки и современность. 2014, № 2, с. 113—123; № 3, с. 119—129 [Idem. Subjekumeny i «pogranichnye» civilizacii v sravnitel'no-istoricheskoi perspektive / O haraktere sootnoshenija Jazyka, Teksta i Shrifta]. [Subecumenes and “Borderline” Civilizations in the Comparative — Historical Perspective (On the Nature of Relation of Language, Text and Type)]. Moscow, Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 2014, № 2, p. 113—123; № 3, p. 119—129; е г о ж е. Мыслеобраз границы: социокультурные проекции [Idem, Mysleobraz granicy: sociokul'turnye proekcii]. [The Mental Image of Frontier: Socio-Cultural Projections] —

Przeglad wschodnioeuropejski (East European Review) 2014, V/1, p. 149—161; е г о ж е. Социокультурная «пограничность» в контексте всемирной истории. — Проблемы культурного пограничья, с. 37—67. [Idem, Sociokul'turnaja «pogranichnost'» v kontekste vsemirnoj istorii. — Problemy kul'turnogo pogranich'ja]. [Socio-Cultural «Frontierity» in the World History] Problems of the Cultural Borderland, p. 37—67.

³⁰ В.Б.Земсков. Образ России... с. 137. [V.B.Zemskov. Obraz Rossii ...]. [The Image of Russia...], p. 137.

³¹ Ibid., p. 168—174.

³² Ibid., p. 172—173.

³³ Роль традиций в истории и культуре Китая. М.: Наука, ГРВЛ, 1972. С.51-58. [Rol' tradicij v istorii i kul'ture Kitaja]. [The Significance of Traditions in the History and Culture of China]. Moscow, Nauka, GRVL, 1972, p. 51—58.

³⁴ Ф.Бродель. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. Т.3. Время мира. М.: Прогресс, 1992. с. 10—11, 640—641. [F.Brodel. Material'naja civilizacija, jekonomika i kapitalizm, XV-XVIII vv. T.3. Vremja mira]. [Material Civilization, Economy and Capitalism, XV-XVIII Centuries. Vol.3. The Time of the World]. Moscow, Progress, 1992, p. 10—11, 640—641.

³⁵ Ф.Бродель. Очерки истории. М.: Академический проект; Альма Матер, 2015, с. 213. [F.Brodel. Oчерki istorii] [Essays on History]. Moscow, Akademicheskij projekt; Alma Mater, 2015, p. 213.

³⁶ В.Б.Земсков. Образ России..., с. 165—173 [V.B. Zemskov. Obraz...], p. 165—173; И.Н.Ионов. Истоки и структура цивилизационных представлений в Латинской Америке и в России (общее и особенное). — Общественные науки и современность. 2007, № 2, с. 96—97. [I.N. Ionov Istoki i struktura civilizacionnyh predstavlenij v Latinskoj Ameriki i v Rossii (obshhee i osobennoe)]. [Sources and Structure of the Civilizational Notions in Latin America and in Russia (General and Specific Features)]. Moscow, Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 2007, № 2, p. 96—97.

³⁷ Я.Г.Шемякин. Граница: процесс перехода..., с. 112—124. [Ya.G. Shemyakin. Granica...]. [The Borderland...], p. 112—124.

³⁸ Ibid., p. 116.

³⁹ А.С.Ахиезер. Труды. М.: Новый хронограф, 2006, с. 431—446. [A.S.Ahiezer. Trudy]. [Works]. Moscow, Novyj hronograf, 2006, p.431—446.

Yakov G.Shemiakin (shemyakin3@gmail.com)

Doctor Sci. (History), Principal Researcher, Institute of Latin America of RAS

Reflections about Zemskov

Abstract. The author of this article analyses personality and creativity of Valery Borisovich Zemskov, showing its importance for the development of the modern humanities, primarily for the Latin American studies and comparative civilizational studies.

Key words: culture, civilization, “borderline” civilization, “borderline” situation, civilizational matrix, cultural and civilizational comparative studies.